

Слова Цзян Мэй явно намекали на то, что она собирается раскрыть тайну, связанную с арестом внука старейшины Цзян более десяти лет назад, прямо здесь, на глазах у всех.

Гуань Сыхао понимал, что нельзя позволить Цзян Мэй продолжать, иначе это будет плохо для них.

Поэтому он сделал вид, что покраснел от злости, будто его довели до предела.

Он указал на дверь и сказал:

— Хватит! Я больше не хочу слышать никаких оскорблений в адрес моей матери. Здесь вам не рады, уходите!

Эта уловка Гуань Сыхао не смогла обмануть Цзян Мэй, но именно понимание его планов заставило её взглянуть на него по-другому.

Ведь до трёх лет они тоже наблюдали за его ростом, но тот ребёнок превратился в это.

Цзян Мэй спросила:

— Что? Боишься? Боишься, что я разрушу образ, который вы создали?

— Не знаю, о чём ты говоришь, — Гуань Сыхао, разговаривая с Цзян Мэй, уже краем глаза поглядывал на дверь.

Он начал удивляться, почему охрана отеля до сих пор не прислала больше людей и почему никто из ответственных не появился?

Гуань Сыхао и его семья не знали, что несколько месяцев назад в этом отеле появился новый акционер.

И этим акционером был не кто иной, как Чэнь Циньцин.

Ради одной свадьбы он вложил деньги в отель.

Именно поэтому, когда Чэнь Циньцин выдвинул это требование и пообещал компенсировать все убытки, руководство отеля согласилось удовлетворить его маленькое желание.

Так что, сколько бы Гуань Сыхао ни тянул время, сколько бы ни ждал, больше охранников не появится, и никто из руководства не придёт для урегулирования ситуации.

Что касается репутации отеля, это не окажет большого влияния, ведь если проблема возникла не по их вине, все внимание будет сосредоточено на самом событии.

У них уже было слишком много таких случаев, поэтому они не слишком беспокоились, и у них был готов план действий.

Они даже заранее подготовили охранников, которые изначально находились здесь, чтобы их реакция была естественной, и никто не мог бы найти в этом ошибки.

Однако о том, что Чэнь Циньцин стал акционером отеля, или о том, что руководство не вмешивается, позволяя событию развиваться, знали лишь немногие.

План Гуань Сыхао ждать подкрепления был обречён на провал.

Цзян Мэй знала об этом заранее, поэтому она не беспокоилась о появлении дополнительных охранников и не спешила.

Цзян Мэй взглянула на Гуань Лань, стоящую за Гуань Сыхао, и медленно сказала:

— Гуань Лань, она подстроила встречу с моим старшим братом, и пока встречалась с ним, тайно общалась с другим мужчиной. Когда она забеременела от другого, она воспользовалась доверчивостью моего брата и вынудила его жениться на ней.

Сказав это, Цзян Мэй многозначительно посмотрела на Чэнь Юхао.

Чэнь Юхао, встретившись с её взглядом, почувствовал лёгкое сомнение, словно он тоже стал «подставным отцом» для этой семьи.

Хотя Чэнь Юхао ранее уже сделал тест на отцовство с Гуань Сыхао, в такой ситуации он всё же начал сомневаться.

Но когда его взгляд снова упал на лицо Гуань Сыхао, эти сомнения исчезли, и он снова уверовал, что Гуань Сыхао — его сын.

В глазах Чэнь Юхао Гуань Сыхао был точной копией его самого в молодости. Кто ещё мог быть его сыном?

Цзян Мэй продолжила:

— Мой брат думал, что она носит его ребёнка, и был в восторге. Он отложил свои картины и сам заботился о ней, а после рождения ребёнка научился готовить смесь и менять подгузники.

Её голос был наполнен ностальгией, заставляя всех присутствующих представить, как молодой отец с любовью заботится о своей жене и ребёнке.

Особенно те, кто ценит семью, могли понять это чувство.

Но затем тон Цзян Мэй резко изменился, став жёстким:

— Но она так поступила с искренностью моего брата. Использовала его, а когда мечта о браке с богачом после развода рухнула, она убила того мужчину и позвонила моему брату, заставив его взять вину на себя.

Гуань Сыхао возмутился:

— Ты врешь! Моя мать никогда бы так не поступила.

Цзян Мэй пристально смотрела на Гуань Лань:

— Эта женщина мастерски использует свою невинную внешность, чтобы снять с себя всю вину, будто она совершенно ни при чём.

Гуань Сыхао продолжал защищать мать:

— Потому что моя мать не виновата!

Цзян Мэй сказала:

— Накануне происшествия мой брат не вернулся домой. Когда мы получили известие, он уже сдался и признался в преступлении.

Гуань Сыхао возразил:

— Возможно, он действительно убил, а вы просто думаете, что он взял вину на себя.

Цзян Мэй горько усмехнулась:

— Ты ошибаешься.

Гуань Сыхао смотрел на неё с недоумением, но продолжал стоять на своём.

Цзян Мэй сказала:

— Мы тоже думали, что это он убил.

Гуань Сыхао замер, и гости тоже застыли.

Они тоже так думали? Что её старший брат — убийца?

Если так, то что тогда означали предыдущие слова Цзян Мэй? Разве они не противоречат друг другу?

У всех гостей возникло одинаковое замешательство.

— Мы не ожидали, что мой брат пойдёт на такое — возьмёт на себя чужую вину и разрушит свою жизнь. Ведь никто не хочет иметь судимость, везде быть объектом осуждения, особенно в нашей семье.

Цзян Мэй покачала головой с горечью:

— Поэтому, когда мой брат сам сдался и предоставил доказательства, мы подумали, что это он в порыве гнева убил того мужчину в ссоре из-за Гуань Лань.

Несколько человек, пришедших с Цзян Мэй, вздохнули.

Казалось, они все не могли поверить, что старший сын семьи Цзян мог быть таким глупым.

Цзян Мэй закрыла глаза, глубоко вдохнула и взяла себя в руки.

Когда она снова открыла глаза, в них снова появилась уверенность, словно она готовилась к битве.

Цзян Мэй сказала:

— В нашей семье дети могут ошибаться. Ведь в процессе взросления ошибки неизбежны. Главное, чтобы старшие направляли их и исправляли, чтобы они больше не повторяли их.

Она сделала паузу и добавила с ударением:

— Но нельзя совершать большие ошибки. Эта большая ошибка — переступить черту закона. Её нельзя переступить, потому что закон — это последний рубеж порядка, установленный на основе морали.

Гости молчали.

Мораль — это человеческое представление, отличающее людей от животных. Но мораль нематериальна, она исходит из внутренних ограничений. Нет прибора, который мог бы измерить мораль, но закон чётко устанавливает границы, и тот, кто их переступает, становится преступником.

— Поэтому, когда стало ясно, что мой брат совершил убийство, наша семья, хотя и считала, что он не мог сделать это намеренно, не стала вмешиваться, чтобы смягчить его наказание.

Большинство гостей были удивлены.

С такими связями, как у семьи Цзян, они могли бы добиться если не оправдания, то хотя бы смягчения приговора.

Ведь если твой ребёнок (внук) попадает в тюрьму, кто сможет оставаться спокойным?

Они даже посчитали, что семья Цзян поступила слишком жестоко.

— Если совершено непоправимое преступление, будь оно совершено в порыве или умышленно, то нужно нести ответственность и искупать свою вину, — в голосе Цзян Мэй звучала боль, но также и гордость.

<http://bllate.org/book/16138/1444752>